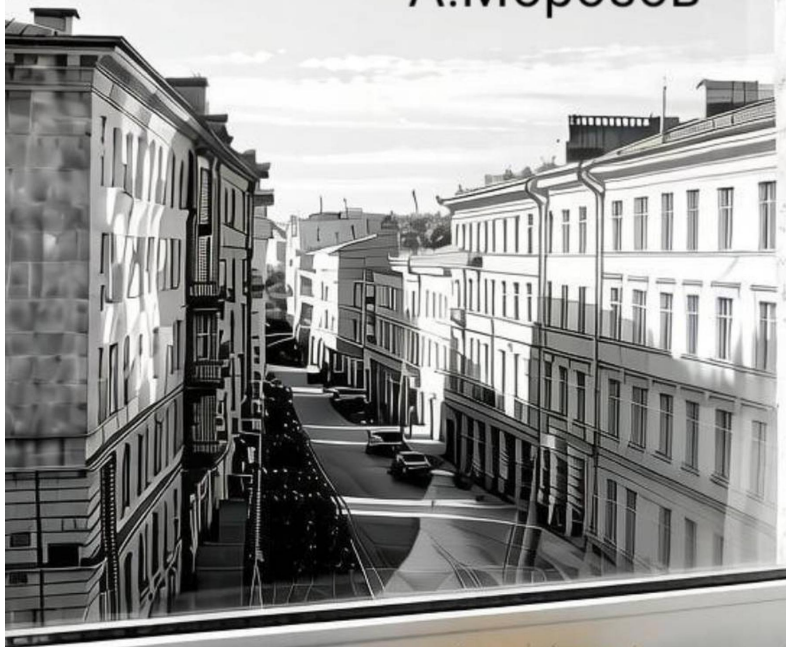

ОДИН ДЕНЬ В СЕНТЯБРЕ

А.Морозов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Морозов

Один день в сентябре

<https://litres.ru/74495662>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если твоя жизнь пуста, если она превратилась в бесконечную череду одинаковых тошнотных картинок, то тебе приходится ее бесконечно перематывать. День за днем, надеясь на неизвестно что. В этих условиях проснуться утром это еще полдела, главное дотянуть до вечера. Желательно дотянуть без усилий. Но как это сделать, если жизнь заставляет тебя все время что-то делать. Как минимум дышать, что само по себе какая-никакая деятельность. Усилий правда она требует немного, но тем не менее. И ладно бы дышать, еще нужно ходить, есть, пить, а это уже невозможно много. Плюс эти люди. Все время с вопросами и расспросами, проблемами и сплетнями, да и просто со своим внешним видом. В общем, существовать тяжело, а жить невозможно. Но у меня вроде бы получается

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Морозов

Один день в сентябре

Глава

Один день в сентябре

Посвящается Ярославу К. и Радмиле Н.

Все персонажи и события являются вымышленными. Все возможные совпадения и аналогии случайны и являются лишь плодом безграничного воображения автора.

Быть полным гондоном по жизни не так-то уж и легко, как вам может показаться. Но лично я с годами привык. Мне не тяжело. Точнее раньше было очень даже тяжело, но теперь нет. Хотя не то, чтобы совсем нет, иногда накатывает какое-то нехорошее ощущение, даже и сам не могу понять какое. Какое-то говнистое. Может быть даже такое, как-будто говна поел. Сказал бы точнее, но никогда не пробовал говна. И вообще может зря я так на говно гоню? Может оно вообще даже и ничего на вкус? Нет, не так. Уверен, что на вкус говно как говно, но вот ощущение от того, что его попробовал может вовсе и не такое говнистое, которое иногда бывает у меня.

Ну, а в целом живется мне достаточно легко, почти беззаботно. Людишки только вот вокруг иногда донимают, бесят прям иногда, раздражают, звонят, спрашивают, заходят. Но, с другой стороны, в этом даже что-то есть, что-то мазохистское. Вроде бесят иногда до крайности, а вроде даже и в кайф. В общем, сложно. А сложно это не легко, что говорит о том, что живется мне не так-то уж и легко, как казалось несколько секунд назад. Да ладно, в целом все-таки легко, но иногда бывает и сложно.

Короче, утро мое было не самым легким, можно даже назвать его сложным, а можно и просто говенным, если вы понимаете, о чем я. Правда я уверен, что не понимаете. Меня вообще мало кто понимает. Мало кто дорос до моего уровня. А уровень у меня, должен вам заметить, достаточно высокий. Хотя не прям-таки высокий-высокий, но и не совсем такой низкий-низкий. И это безусловно достижение. Большинство из вас и этого не достигли. А я вот смог. Я справился. Я оправдал надежды.

И теперь вот лежу на своем диване и смотрю на белую гладь потолка. Я вообще предпочитаю кроватям диваны. Ну кто спит на кроватях? Как вообще можно спать на чем-то удобном, комфортном и в меру мягком? То ли дело диван. Чувствуешь и каркас, и пружины, и даже саму жизнь, впи-вающуюся во все места твоего организма самым своим естеством.

За окном уже расцвело, и это раздражает. Да и сон мой

прервался на самом интересном месте. Хотя утренняя эрекция позволяет еще на что-то надеяться в будущем. Дожить бы еще до этого будущего, до этой сказочной мечты, о которой мечтают все мальчишки от четырнадцати и до пока стоит, до групповухи с двумя, нет, лучше с тремя, телками. По моим подсчетам до мечты я уже должен был бы дожить, ведь мне уже скоро сорок. Наверное, ждать осталось недолго. Может даже это случится сегодня. Ну тогда хоть что-то хорошее обещает сегодняшний день, возможно больше ничего хорошего и не пообещает.

Но не будем расстраиваться заранее, ожидание групповухи, возможно даже лучше самой групповухи. Кто его знает, что там на ней происходит, неизвестно еще. От этих баб можно ожидать всего, всего, кроме чего-то хорошего. Хах, если бы от них можно было бы ожидать чего-то хорошего, то групповуха уже давно бы случилась. Достаточно было бы попросить двух или трех своих знакомых женщин и вот тебе уже и групповуха. Но эти бабы не так просты...

Ладно, пора-таки вставать, а то еще на работу опоздаю. А ведь я ее так ненавижу, как, наверное, никого и никогда не ненавидел. Причем дело даже не в конкретной работе, а в работе вообще. Я вообще ненавижу работу. Всю. Эту свою конкретную я правда ненавижу еще больше, если вообще возможно что-то ненавидеть больше.

С утра у меня обычно самое тупое выражение лица, которое только может быть у человека. Глядя в зеркало на себя

чистящего зубы, я хочу только одного, чтобы это все побыстрее закончилось. Я даже иногда делаю паузу после того, как почищу зубы. Стою, смотрю на себя в зеркало и жду, вдруг это прямо сейчас и закончится. Но мне снова не везет. Я вообще невезучий. Везучие выигрывают миллиард в лотерею и не ходят на работу. А я невезучий. Значит пора завтракать и ехать батрачить во благо... Черт, а ведь я даже и не знаю во благо кого или чего я работаю? Знаю только, что точно не во благо себя.

Быстро запихав в себя то, что представляло сегодня мой завтрак, я выхожу в подъезд. И первое, что встречается мне там, это пакет с мусором у двери напротив. Я даже не уверен, что за дверью напротив вообще кто-то живет, во всяком случае, я никогда никого не видел. Видел только пакеты с мусором, которые регулярно появляются у двери, а потом также регулярно исчезают. Интересно в чем прикол так выставлять мусор в подъезд? Что такого туда можно выбросить, чтобы надо было его выставлять за дверь? Хотя может это какая-то культурная особенность одного из многочисленных народов нашего большого и единого народа? Вот так сделаешь замечание и оскорбишь кого-то. С другой стороны, этот пакет с мусором меня самого немного оскорбляет. Но я, к сожалению, не принадлежу к многочисленным народам, поэтому мне немного оскорбляться можно и даже говорят полезно.

Нажимая на кнопку лифта, я надеюсь на то, что мне удаст-

ся доехать до первого этажа в гордом одиночестве. Но как я уже говорил я невезучий, поэтому и еду вниз в сопровождении свиты. Каждого члена моей свиты я знаю в лицо. Вижу их почти каждый день, но не знаю имен. Впрочем, мне и не интересно. Уверен, что каждый из них в свою очередь считает меня членом своей свиты, конечно, безосновательно. Ведь это мой лифт и моя жизнь.

Ну вот уже и метро. Можно сказать, что почти добрался до работы, еще какой-то жалкий час и я буду на месте. Житель небольших городов сейчас конечно же скажет: «Ну ничего себе! Еще целый час?! Это ж так вся жизнь только на поездки на работу уйдет...» На что я ему замечу: «Да. Именно на это и уйдет. Хорошо хоть жизни наши в большинстве своем никчемны и тратить их на это совершенно не жаль».

А в метро по утрам просто офигенно. Лучшего места и в целом городе не сыскать. Особенно если вы любите общение и близкий тактильный контакт. Правда на общение необходимо еще нарваться, а вот контакт гарантирован. Хорошо если этот контакт будет с симпатичной телочкой, пахнущей потом и ароматными духами. Гораздо хуже все остальные варианты. Мужчины отвратительны, дети омерзительны, а старики, старики просто... нагоняют на меня тоску...

Ну вот час почти прошел. Даже жалко, что уже почти приехал. Если сравнивать с работой, то в метро однозначно лучше. Так и ездил бы до вечера, но впереди уже показалось знакомая дверь и первые знакомые рожи, имена которых мне

известны. Приходится здороваться. И ведь здесь также как с лифтом, хочется максимально дальше пробраться в одиночестве, но получается всегда не очень.

— Доброе утро, — говорю я жопастой бухгалтерше Ольге.

— Доброе утро, — с едва заметной улыбкой отвечает она мне.

— «Трахнуть бы тебя в эту жопу», — мелькнуло у меня в голове.

Почему-то это всегда мелькает у меня в голове при встрече с ней. Хотя, впрочем, понятно почему, мне в ней кроме ее жопы больше ничего и не нравится. Не в рот же ей давать в конце концов, если нравится только жопа. Хотя для старта можно и в рот.

Ну вот уже и дверь моего кабинета. Да-да кабинета. А вы как думали? Думали, что я буду стоять у станка и точить какую-нибудь деталь восемь часов? Нет, у меня план как-нибудь продержаться восемь часов и постараться ничего не сделать. Конечно, совсем ничего не сделать у меня не получится, но хотя бы самый-самый минимум получиться должно. Всегда получается...

8-00

С тупым выражением лица я сижу за своим столом и жду пока загрузится компьютер. Это редкое старое дерьмо, которое грузится по несколько минут, но, чтобы его поменять на

новый нужно слишком много заполнить заявок и написать писем, в которых должно быть обоснование замены. А это слишком большая работа, которая идет вразрез с моей жизненной установкой - делать как можно меньше. Лучше уж просто сидеть и ждать. Плюс у тормозного компа на работе есть еще одно неоспоримое преимущество - на него всегда можно свалить свою нерасторопность. И самое главное здесь то, что мое начальство в курсе того, что компьютер дышит на ладан, но не делает ничего, лишь изредка предлагая написать заявку на новый. Это ли не говорит про невероятную эффективность нашей организации.

Кстати, пока старое барахло грузится, есть повод немного рассказать о том, чем занимается наше предприятие. Мы производим радиоэлектронную аппаратуру. Не буду вдаваться в детали о назначении данной аппаратуры хотя бы потому, что и сам толком не знаю. Отмечу только, что организация у нас частная и работаем мы на коммерческой основе, и то, что мы до сих пор на плаву, говорит о том, что выпускаемое нами барахло пользуется определенным спросом. Сказать у кого конкретно пользуется я тоже не могу, ведь я не продавец, а самый что не на есть высококвалифицированный, с тремя высшими образованиями, руководитель производства. Да-да, руководитель производства, начальник, какие сладкие слова. Когда-то одно их произношение заставляло меня получать удовольствие сравнимое с некачественным минетом (удовольствие от качественного все- таки больше),

но сейчас уже нет. Когда-то я хотел даже стать генеральным директором... Впрочем не будем о прошлом. Остановимся на том, что в мои обязанности вовсе не входит знать, что мы выпускаем и кому мы это продаем.

Ну наконец-то экран засиял знакомым рабочим столом с миллионом ярлыков, разобраться в которых под силу только мне одному. Можно сказать, что вот теперь то рабочий день начался по-настоящему. И вот теперь-то меня окончательно накрыла бесконечная апатия. Теперь уже и выполнение самого минимума не выглядит хорошей идеей. Чувствую, что выражение моего лица стало еще тупее, тупее на столько, на сколько позволяют три высших образования. Вот с этим тупым выражением на лице меня и застал директор, который почти каждое утро заходит ко мне, чтобы поздороваться.

— Доброе утро, — говорит он, подходя ко мне и протягивая руку, — как всегда бодро выглядите. И как вам это удастся? Я вот еле встаю...

Меня всегда интересовало почему он говорит мне, что я выгляжу бодро. С его слов я почти каждое утро выгляжу бодро или хотя бы просто хорошо. Неужели тупорыло сидеть за столом у меня получается бодро? При этом еще и хорошо выглядеть? Что мне не дает выглядеть тупо, если я делаю тупое выражение лица? Не иначе как мои три высших образования? Хотя, возможно, и генетика. Я неоднократно замечал, что некоторые люди выглядят тупо даже когда на полном серьезе рассуждают об очень умных вещах, имея при

этом ученые степени. Да, тогда скорее все-таки генетика. Хотя, конечно, может он просто мне врет?

— Доброе утро, Анатолий Алексеевич, — отвечаю я ему, пожимая протянутую мне руку, — работа для меня всегда праздник...

Дебильная шутка с переиначиванием фразы из советского фильма находит у директора отклик. Он хихикает, что-то весело говорит в ответ, я не понял что, и выходит из моего кабинета.

Надо сказать, что когда-то я пришел на эту работу с расчетом через год, после окончания учебы, уйти на другую. Мне тут было просто удобнее добираться до университета, когда я получал свое последнее высшее образование. Но как известно нет ничего более постоянного, чем временное. Я тут работаю уже шесть лет. Впрочем, так получилось не только из-за моей лени, но и из-за директора. Да-да, из-за директора, моего непосредственного руководителя. Он очень хороший человек, а самое главное первый начальник в моей жизни, который практически идеально мне подходит. Так как он еще ленивее меня и иногда кажется, что тоже ненавидит эту работу. Жаль только он тут ничего не решает. Все здесь зависит от нашего коммерческого директора, точнее директрисы, но о ней позже.

Дверь снова открывается и почти бегом внутрь заходит сухая женщина лет пятидесяти пяти. Это Ирина Петровна, диспетчер цеха, распределяет задания, согласно ежедневно-

му плану. И хотя ее никто не наделял полномочиями начальника, с рядовыми сотрудниками ведет она себя исключительно как начальник. А в присутствии настоящих начальников показушно радеет за производственные показатели, дисциплину, расход материалов и вообще за все, о чем можно радеть на нашем производстве.

— Тук, тук, тук, — произносит она на бегу, имитируя стук в дверь. — Доброе утро. Хочу вам сообщить, что, по-моему, Бабуинов сегодня пришел на работу с бодуна.

Она остановилась в метре от меня и уставилась прямо в мою тупую рожу. Как же она меня бесит в такие минуты. Этот ее показной активизм постоянно заставляет меня принимать какие-то решения, а это сильно расходится с моим планом на сегодня. И ведь не ответить ей нельзя, стоит ведь овца и смотрит. Несколько секунд я молча сижу, напрасно надеясь на то, что она уйдет.

— Какой еще Бабуинов? — с трудом выблевал из себя я, окончательно поняв тщетность ожидания.

— Новый монтажник, которого мы взяли две недели назад, — прощebetала она. — Представляете, работает две недели и уже приходит на работу в таком состоянии. А это многое говорит о человеке. Вот также с пренебрежением он и будет относиться к работе, если уже сейчас он в таком состоянии приходит. Вы согласны?

Она снова уставилась на меня, ожидая ответа. Боже, как же она меня бесит. Почему она так на меня смотрит? Почему

ей больше всех надо? Сдался ей этот Бабуинов?

— А вы как узнали, что он с бодуна? — спрашиваю я, немного подождав.

— Так от него пахнет за километр. Он как только в цех вошел, я сразу почувствовала перегар. Ну, думаю, взяли раб-
ботничка...

Она снова заткнулась и уставилась на меня. Чего она от меня хочет? Что я ей сделал? Только пришел, еще и компьютер толком не включил.

— Ирина Петровна, а почему вы пришли с этим вопросом? — нашелся вдруг я. — Почему не Наталья Геннадьевна? Вообще то она его непосредственный руководитель.

— Ну вы же знаете Наталью, она человек занятой, — сгримасничала она. — Пока все участки пройдет, всех проверит...

— Зато у вас я смотрю с занятостью полный порядок, — перебил ее я. — Идите к себе и займетесь своими непосредственными обязанностями. Я поговорю с Натальей Геннадьевной насчет Бабуинова. Тем более, что у нас через пятнадцать минут будет совещание. Все. Идете.

Изобразив легкую обиду, она развернулась и без слов вышла из моего кабинета. Наконец-то можно выдохнуть. Снова один в приятной тишине. Посижу минут пятнадцать до ежедневной планерки с начальниками двух наших цехов, которые будут заходить ко мне с интервалом в полчаса. Первой как раз и будет Наталья Геннадьевна в ведении которой и на-

ходится монтажный участок со злополучным Бабуиновым.

Как вы уже догадались пятнадцать минут пролетели со скоростью пятнадцати секунд. Я даже не успел прочитать все заинтересовавшие меня новости в поисковике, как ко мне вальяжно вошла Наталья Геннадьевна.

Наталья Геннадьевна не очень красивая женщина лет пятидесяти. Но несмотря на то, что она, во-первых, не очень красивая, а во-вторых, уже свое пожила, она мне чем-то нравится. Возможно, если бы мы где-нибудь вместе напились, я бы ее даже трахнул. Протрезвев, конечно бы пожалел, но тем не менее.

Она всегда входит без стука, проходит деловитой походкой, слегка виляя бедром и садится всегда на один конкретный стул напротив меня. У меня стол буквой «Т» и стульев вокруг длинной палки этой «Т» предостаточно, но она всегда садится на один и тот же.

— Доброе утро, — говорит она мне, слегка закатив глаза.
— Как у вас дела?

Она всегда зачем-то спрашивает, как у меня дела. Возможно, из вежливости, а возможно действительно интересно. Во всяком случае, смотрит на меня всегда внимательно, в ожидании моего ответа.

— Да как обычно, плохо, — отвечаю я и растягиваю свой рот в кривой улыбке. — Спалось сегодня хорошо, но еще лучше бы мне спалось, если бы не надо было вставать и идти сюда.

Она кокетливо и как-то моложаво хихикнула, открыла свой блокнот, что-то записала туда. Потом глубоко выдохнула и в ожидании уставилась на меня.

— Так, — тяжело начал я, — начнем, пожалуй, потихоньку. Все сегодня на месте?

— Да, все. Никто, слава богу, не болеет. Никто не опоздал. Все сидят работают.

— А Бабуинов, монтажник новенький, на месте? — с хитрецей интересуюсь я.

— Да вроде да, — с подозрением отвечает она, — сидел на своем месте.

— Не болеет? — продолжаю интересоваться здоровьем трудящихся я.

— Да вроде нет, — с еще большим подозрением отвечает она. — А чего это вы интересуетесь?

— Как это чего? — продолжаю я. — В конце концов я, как руководитель, должен интересоваться коллективом. Кстати, и вам советую. Как он вам как работник? Толковый? Все у него там получается?

— Да вроде да, жалоб на него не было, паяет он не плохо, — тараторит она, окончательно почуяв неладное.

С ее большим жизненным опытом почуять неладное раз плюнуть. Сколько этого самого неладного происходило в ее жизни, и раз уж она дожила до своих примерно пятидесяти, значит научилось чують и избегать неладного очень хорошо.

— Правда он не всегда внимательный, — начала вырули-

вать она, — бывает плохо прочитает чертеж или пропустит какой-нибудь компонент. Это у него есть. Но посмотрим, как будет дальше, он же еще на испытательном сроке, если не исправится, то будем с ним расставаться.

Как быстро, прямо буквально на глазах, толковый работник, хорошо паяющий, без жалоб и замечаний, превратился в кандидата на увольнение. Прямо трагедия члена партии времен Сталина, в современной версии и маленьком масштабе. А ведь это она еще явно не в курсе, что он пришел сегодня с бодуна.

— То есть, мы его будем увольнять? — с прищуром интересуюсь я. — Раз уж он такой невнимательный?

— Ну почему сразу увольнять? Посмотрим, конечно, может и придется. У него еще больше двух месяцев испытательный срок...

Вообще ловить ее на противоречиях одно из немногих моих увлечений на работе. Так ловко как она никто не петляет. Она как мыло, как покойный Жириновский, ее не схватишь, за язык не поймаешь.

— Ну, а чего ждать два месяца, — продолжаю я, — вы же говорите невнимательный, пропускает компоненты... Кстати, кто заметил, что он пропускает компоненты? ОТК?

— Пока не ОТК, слава богу, — снова начинает петлять она, — Белов заметил. Сразу же объяснил ему, что надо быть внимательнее...

— То есть пока не будем увольнять его? — перебиваю ее

я.

— Мне кажется рановато, — отвечает она и тут же снова начинает свои пространные объяснения. — Надо дать человеку шанс. Пяять то умеет и со скоростью у него все хорошо, работает быстро. Один раз только вот пропустил компонент, но Белов ему все объяснил. Посмотрим конечно, но если вы считаете, что надо его увольнять, то...

Ловко, конечно, она вывернула все дело. Ей надо чиновником работать. Так искусно отмазываться. С такой способностью далеко бы там пошла.

— Так я не понял, увольняем мы его или нет? — продолжаю я. — И причем тут, мое мнение? Вы его непосредственный руководитель. Тут главное, что вы считаете?

— Я считаю, что его надо оставить, — выдавливает из себя она. — Посмотрим его результаты ближе концу испытательного срока.

— Понял, — довольно отвечаю я и как бы невзначай добавляю. — А как у него дела с алкоголем?

Она удивленно уставилась на меня, пытаюсь понять к чему был этот вопрос.

— Не знаю, — медленно, почти по слогам, произносит она, — но сам он вроде говорил, что не пьют.

— Да? — переспрашиваю ее я. — А то сегодня мне сообщили, что он с бодуна пришел? Что скажете?

— Да?! — демонстративно удивляется она. — Утром я ничего не заметила. Вроде нормальный был. Пойду проверю.

Она было порывается встать, но я останавливаю ее исполнительский порыв.

— После планерки проверите и мне расскажите, — говорю ей я, довольный собой и своей властью. — Как обычно ничего не знаете. Хорошо хоть Ирина Петровна у нас всегда на чеку.

Последнее я сказал, чтобы еще немного подразнить ее. Я знаю, что они с Ириной Петровной не очень друг друга любят, время от времени жалуются мне друг на друга, хотя и конфликта между ними нет.

— Ирина Петровна?! — снова демонстративно удивляется она. — Лучше бы она занималась своей работой...

— Она бы может и занималась своей работой, — перебиваю ее я, — если бы ей не приходилось выполнять вашу. Это вы должны были ко мне с докладом про Бабуинова прийти, а вы я смотрю и не знаете ничего.

— Я... — начала было она, но я жестом остановил ее.

— Ладно хватит, — говорю я, — про Бабуинова мне позже расскажите, скоро уже Переваликов придет, а мы еще с вами даже и не начинали планерку. Давайте по списку, кто сегодня чего делает и что там у нас по плану?

За десять минут мы прошлись по всем пунктам производственного плана, наметили работу на завтра, подтвердили сегодняшние задания, короче сделали всю каждодневную производственную лабуду, без которой, к сожалению, нельзя. Но это, по сути, и есть самая главная моя работа, с по-

мощью линейных руководителей вести трудящихся по пути наполнения карманов собственников предприятия через выполнение производственных задач.

— Ладно, все, закончили с планом на сегодня, — говорю ей я. — Все понятно? Вопросы есть?

— Нет, все понятно, — отвечает она, закрывая свой блокнот.

— Ну тогда идите работайте, — говорю ей я. — В десять жду ваш доклад по Бабуинову.

— Хорошо, — сказала она и направилась к двери.

У меня снова появилось время, чтобы почитать новости перед тем, как на планерку явится начальник другого цеха. Так что можно немного расслабиться и отправиться в мир собственных грез и размышлений.

9-00

Каждый день, ровно в девять утра у меня планерка с начальником второго производственного цеха Изяславом Переваликовым. И каждый день эта бестолочь опаздывает. Сука, каждый божий, пардон, рабочий день, этот баран опаздывает. Хотя, с другой стороны, это какое-никакое постоянство. Кое-как приучил его звонить и сообщать мне на сколько он опоздает. Вот и сегодня он позвонил и сообщил, что будет через пятнадцать минут, что-то там у него в цеху опять произошло. Впрочем, я уже привык к тому, что у него в де-

вать утра всегда что-то происходит, и к тому, что он все равно вовремя не придет, опоздает и через пятнадцать минут.

Через двадцать минут появляется Переваликов. Он один раз стучит в дверь и тут же залетает внутрь.

— Доброе утро, — говорит он на ходу.

Быстрым шагом чрезвычайно занятого человека он подходит к моему столу, протягивает мне бумажку с планом работы и садится на стул. Переваликову около тридцати лет, он невысокого роста, с неприятным запахом изо рта. Женат, о чем свидетельствует золотое кольцо на пальце.

— Все на месте? — интересуюсь я, изучая его бумажку.

— Да, все на месте, — отвечает он, — нет только Непедова.

Как же меня бесят такие ответы. В одно предложение он сумел уместить два взаимоисключающих факта и даже глазом не моргнул.

— А где он? — слегка поморщившись спрашиваю я.

— Он вчера вечером мне звонил, сказал, что сегодня будет пол десятого, — как ни в чем не бывало говорит он.

— Не знал, что у нас уведомительный порядок посещения рабочего места, — с легкой насмешкой произношу я. — Еще кого нет?

— Да вроде все остальные на месте, — изобразив задумчивость отвечает он.

— Ладно, хорошо, — говорю я в надежде побыстрее закончить и перестать видеть его рожу. — На сегодня все, что

запланировано сделаем?

— В теории да, — отвечает он мне с умным видом.

Все-таки, как же сильно меня раздражает наигранный умный вид на тупых рожах. А еще это хрестоматийное «в теории». Каждый баклан, который не знает значение слова «теория», почему-то считает своим долгом регулярно использовать словосочетание «в теории». Видимо для того, чтобы казаться умнее.

— В теории, — цежу сквозь зубы я. — Как вчера отработала вторая смена? Все сделали, что мы планировали?

— Нет, сделали вчера мало, — с фальшивым возмущением отвечает он. — Давайте камеры посмотрим, что они там делали вчера?

Тьфу ты черт, похоже быстрее отделаться от него не получится. Придется теперь еще и с этим разбираться. А главное, вчера также с умным видом говорил мне, что «в теории все успеем». Что за день, мои ориентиры на сегодня стремительно накрываются медным тазом.

— А кто вчера во вторую смену работал? — интересуюсь я, параллельно запуская на компьютере архив с записями с камер.

— Джомбаев, Голубых и как раз Непедов, — отвечает он, заглядывая мне в монитор.

— Как Непедов? — спрашиваю я, заранее предвидя ответ. — Он же на этой неделе в первую смену?

— Да они там поменялись, — отвечает он. — Непедову

вчера куда-то надо было утром.

— И сегодня он решил попозже прийти, — бубню себе почти под нос я, ища нужную запись. — Так ну вот, они работают...

Я немного поворачиваю монитор в его сторону, чтобы ему было лучше видно. Почти двадцать минут мы смотрим запись в разные моменты времени и замечаем, что вечером в цеху никого не было около полутора часов.

— Ну вот и причина того, что мало сделали, — говорю я. — Где интересно они были полтора часа? Короче, как Непедов придет пусть пишет объяснительную. Джомбаев и Голубых пусть вечером напишут свои. Все иди, Непедов вон, уже пришел.

Я киваю на изображение с камеры, которая показывает, что сейчас происходит в его цеху.

— Хорошо, — отвечает он и направляется к двери. — Как напишет, принесу объяснительную вам.

— Ага, — отвечаю я, предчувствуя, что день будет безнадежно испорчен.

В двери Переваликов сталкивается с Натальей Геннадьевной, которая с загадочной улыбочкой заходит ко мне.

— Изяслав, я к тебе сейчас подойду, ты у себя будешь? — спрашивает она у выходящего Переваликова.

— Ага, только позавтракаю, — на ходу отвечает тот ей. — Давайте через двадцать минут.

— Хорошо, — отвечает она ему, закрывая за собой дверь

в мой кабинет.

— Не знал, что у нас есть завтраки, — с безразличием произношу я. — С каких это интересно пор?

— Дак они каждый день ходят на завтрак, — отвечает она, — он, Алексеева и Пукер.

— Втроем? — переспрашиваю я. — Какая-то странная компания. Интересно Пукер вообще думает, что она делает?

— Не знаю, — прищурившись сообщает она, — но последнее время они все время что-то обсуждают. Анна Иосифовна постоянно у них в цеху сидит, почти каждое утро в районе девяти, смеются и о чем-то говорят.

Она загадочно смотрит на меня, слегка улыбаясь.

— «Кажется обнаружилась одна из причин его постоянных опозданий на утреннюю планерку», — думаю я. — «Какие интересно могут быть темы для разговоров у пятидесятилетней финансовой директрисы с тридцатилетним начальником цеха? Надо будет понаблюдать потом по камерам».

— Ну ладно, — говорю ей я, — что там с Бабуиновым? С бодуна?

— Да нет, — с еще более хитрым выражением лица отвечает она, — по-моему он не с бодуна, а прямо-таки немного пьяненький. От него не перегаром пахнет, а алкоголем. Он там сидит, вы посмотрите по камерам, и периодически пьет из бутылочки, типа воду, но я думаю там не вода...

Она многозначительно замолчала и уставилась на меня.

— Вот, Наталья Геннадьевна, такие у вас сотрудники ра-

ботають, — вздыхаю я. — Давайте пригласите его сюда ко мне. Сейчас узнаем, что у него там в бутылочке.

— Хорошо, — с улыбочкой отвечает она и выходит из моего кабинета.

10-00

Так иногда бывает, идешь на работу с надеждой на то, что особо ничего делать не придется, а в итоге по самые уши вязнешь в этой самой работе. И главное все время не по своей вине. Вот как бы сделать так, чтобы и виновные начали страдать, чтобы им прямо было плохо? Почему страдать вынужден только я? В дверь неуверенно постучали.

— Войдите! — почти рывкнул я, до конца еще не отойдя от своих размышлений.

Дверь неуверенно открылась и в проеме показалась растрепанная голова.

— Можно? — также неуверенно спросила голова.

— Да, — ответил я.

В след за головой внутрь ввалилась здоровенная туша, килограмм на сто десять не меньше. Закрыв за собой дверь, туша с растрепанной головой встала напротив меня. Голова при этом хлопала глазами, очевидно соображая, что делать дальше.

— А вы уж кто у нас? — спросил я, понимая, что не узнаю ни эту голову, ни тушу под ней.

— Бабуинов, — с некоторым недоумением ответила го-

лова. — Мне Наталья Геннадьевна сказала, что вы меня вызывали?

— Ах да, садитесь, — говорю ему я, показывая рукой куда ему сесть. — Как самочувствие у вас сегодня?

Бабуинов сел на указанный ему стул и снова начал хлопать глазами, соображая, что ответить.

— Чего? — в итоге выдавил из себя он.

— Самочувствие ваше как спрашиваю? — повторяю я и смотрю на его рожу.

Рожа, к слову, невероятно тупая. Да к тому же еще и сильно помятая. Вообще удивительно по каким критериям мы набираем сотрудников. Видимо важными для нас являются тупая рожа и какое-нибудь врожденное уродство. Хорошо если кандидат соответствует обоим критериям сразу. В этом случае можно считать, что работа у него в кармане. Хотя никто этих критериев нигде не озвучивал и не описывал, но подавляющее большинство сотрудников удовлетворяют хотя бы одному из них, а некоторые и обоим.

— Да вроде нормальное, — неуверенно отвечает Бабуинов.

— Есть идеи почему я вас пригласил сюда? — спрашиваю я, предчувствуя намечающееся веселье.

— Нет, — теперь уже уверенно отвечает он.

— Вы пили сегодня? — прямо спрашиваю я. — Что-нибудь алкогольное?

Бабуинов снова захлопал глазами, соображая, чтобы такое

ответить.

— Вчера вечером только, — кое-как промямлил он.

— А чего у вас вчера вечером было? — интересуюсь я. — День рождение или еще праздник какой?

— Да нет, просто вечер, — пробубнил он.

— Вечер вторника, — уточняю я. — Вы отмечали вечер вторника? Похвально конечно, что вы радуетесь каждому прожитому дню, но как можно бухать во вторник? Кстати, много выпили вчера в честь такого чудесного вечера?

— Ну так, — процедил он, не понимая к чему я веду.

— Ну так это как? — продолжаю я. — Видимо так, чтобы все окружающие вас женщины монтажницы почувствовали? Вы же понимаете, что женщины, особенно пожившие на этом свете, очень тонко ощущают запах алкоголя в воздухе? И тут же бегут и сообщают об этом всем подряд.

Бабуинов склонил голову и уставился в пол.

— А пьете вы там чего из своей бутылочки? — продолжаю допрос я.

— Воду, — достаточно уверенно ответил он.

— Каждые минут пятнадцать, судя по камерам, — продолжаю я, — видимо сильный у вас сушнячок. Несите свою бутылочку сюда, сейчас попробуем вашу воду.

— Ладно, там не вода, — снова неуверенно пробормотал он.

— А что? — наигранно интересуюсь я.

— Джин тоник, — отвечает тот, продолжая смотреть в

пол.

— Бабуинов, вот вы мне объясните, как вам в голову пришла идея сидеть и бухать на рабочем месте? Как эта мысль вообще могла появиться?

— Ну а чего, я же сижу паяю, — неожиданно уверенно ответил он, подняв голову и с некоторой гордостью посмотрел на меня. — По работе же ко мне претензий нет?

От такой постановки вопроса я слегка пришел в замешательство.

— То есть вы считаете, что если работать хорошо, то в принципе, можно и побухивать на рабочем месте? — интересуюсь я.

— Ну, а что тут такого? — спрашивает он и снова опускает голову в пол, вероятно понимая, что его ответ был не очень.

— Короче, — говорю ему я, — вы у нас на испытательном сроке и испытательный срок вы не проходите. Такие сотрудники, которые бухают на рабочем месте, нам не нужны. Это увольнение по статье. Но вы мне определенно нравитесь, как минимум своим жизнелюбием, поэтому вам я разрешаю написать заявление по собственному. Уволим вас одним днем. Джин тоник свой допьете уже на улице, полностью свободным человеком. Эх, я вам даже немного завидую.

Я мечтательно закатил глаза, замолчал на некоторое время. Потом вздохнул и продолжил:

— Даю вам совет. На новом месте работы держитесь до

пятницы. Бухайте пятница-суббота, можно без перерыва на сон. Воскресенье отлеживаетесь. В понедельник как огурчик на рабочем месте и держитесь до следующей пятницы. Я вижу, что вам нелегко, но надо стараться. Ладно, идите к Наталье Геннадьевне и пишите заявление. Скажите ей, что увольняетесь по собственному одним днем. Все, удачи.

Я встаю, пожимаю ему руку и провожаю до двери. Конечно таранило от него знатно. Пришлось проветривать кабинет. И вот я снова один, сижу в своем черном кресле. Можно даже опять почитать новости, но не тут-то было. Раздался знакомый стук в дверь и внутрь быстрым шагом залетел Переваликов.

— Вот, — говорит он мне и протягивает бумажку, — Непедов написал объяснительную.

— И чего там? — спрашиваю я, рассматривая каракули на белой бумаге. — Ну и почерк. Непедову надо было бы врачом работать...

«Вчера мы сделали не-мно-го мень-ше, чем было в плане, так как у нас глю-чил у-ста-новщик в линии...»

— Чего это еще? — с недоумением спрашиваю я. — А где про полуторачасовое отсутствие на участке? Напомни на сколько меньше они сделали, чем должны?

— Ну, в теории, — начал умничать Переваликов, — минимум, процентов на сорок меньше, чем другая смена...

— Ты ему про полтора часа говорил? — перебиваю я его интеллектуальные потуги.

— А-а-а, нет, — отвечает он мне, — я просто сказал ему написать объяснительную почему так мало сделано вчера.

— Ладно, зови его сюда, — говорю ему я. — Сразу ему все покажу на записи. Тут мне и напишет объяснительную.

— Хорошо, сейчас позову, — как-то чересчур радостно говорит он и быстро выбегает из кабинета.

— «Дотянуть бы до обеда», — думаю я. — «Может хоть после обеда удастся спокойно посидеть...»

В дверь несколько раз постучали, но не открыли. Я решил ничего не говорить. Постучали снова несколько раз и снова не открыли. Интересно, как надолго хватит терпения у стучащего, прежде чем он сам откроет дверь, если ему не говорить «войдите»? Я давно заметил, что людей можно поделить на тех, кто вообще не стучит, а заходит сразу, тех, кто стучит и только потом заходит и тех, кто стучит и ждет пока ему разрешат войти. Последние со временем переходят во вторую категорию, а потом при появлении достаточного уровня наглости возможен переход и в первую, хотя большинство составляет именно вторая категория. В дверь снова постучали, но не открыли. Я решил молчать до конца. Снова раздался стук, и на этот раз дверь тихонечко приоткрылась. В проеме показалась голова Непедова. Я молчу и смотрю из своего кресла прямо ему в рожу. Он немного теряется, но потом выдавливая из себя:

— Доброе утро. Вызывали?

— Ты так и будешь стоять? — отвечаю я вопросом на во-

прос. — Голова будет здесь, а жопа в коридоре?

Он медленно протискивается в полуоткрытую дверь, обтираясь своей одеждой об косяк и стену.

— Можно дверь пошире открыть, — советую ему я. — Зачем портить рабочую одежду...

Но он уже полностью протерся в мой кабинет, закрыл дверь, встал возле нее и виновато заулыбался.

— Садись Непедов, нас ждет серьезный разговор, — говорю ему я, не отрывая от него взгляда.

Он начал мяться на том месте, где стоял, как будто помышляя сесть прямо там, на пол у двери.

— Садись на любой стул, — преодолеваю его сомнения я.

Он проходит к столу и садится на самый дальний от меня стул.

— Садись поближе, — говорю ему я, — чего так далеко сел?

Он встает и медленно движется вдоль стульев, обдумывая на какой ему сесть, чтобы было одновременно и поближе, и подальше от меня.

— Сюда садись, — торможу его размышления я и указываю на стул прямо перед собой.

Он неуверенно подходит и садится на указанное место. Поднимает голову и в ожидании дальнейших команд смотрит на меня. Ну как на меня? Одним глазом, вроде бы, примерно на меня, а другим куда-то на стену. У Непедова ярко выраженное косоглазие. Мне сразу вспоминается, что в

средние века в Европе считалось, что если ребенок рождался с косоглазием, то значит при зачатии родители трахались раком. Тьфу ты, прямо представил себе совокупляющихся раком родителей Непедова. Усатый такой Непедов папа пристроился сзади к большой жопе Непедовой мамы. А потом у них родилось то, что сейчас сидит передо мной и смотрит хрен знает куда. Как бы избавиться теперь от картины трахающихся предков Непедова?

— Ку-ку, Непедов ты меня нормально видишь? — говорю ему я и провожу рукой перед его лицом.

— Да, нормально, — с легким непониманием отвечает он, продолжая смотреть одним глазом в стену.

— Отлично, тогда начнем. Как вчера смена прошла?

— Хорошо, — уверенно отвечает он мне.

— Все, что надо было вы сделали? — интересуюсь я. — План вчерашний выполнили, да? В полном объеме?

— Ну, немного не выполнили, — заколебавшись отвечает он, — но поработали хорошо. В целом.

Сука, в целом. В целом поработали хорошо. Как же бесит. Может он думает, что я его сюда позвал чтобы поблагодарить? За хорошую, в целом, вчерашнюю работу?!

— В целом, — повторяю я себе под нос, — в целом, конечно, хорошо поработали, я, пожалуй, соглашусь. Хорошо, что все живы здоровы, никто не поранился, никто не пострадал... Ты, кстати, как, хорошо себя чувствуешь после вчерашней, в целом, хорошей работы?

— В целом хорошо, — с философской ноткой в голосе отвечает он мне, — только немного не выспался...

Сука, да он издевается. Немного не выспался. Как будто меня это волнует.

— А чего не выспался то? — с легкой насмешкой интересуюсь я.

— Так это, вчера во вторую смену работал. Поздно домой пришел. А сегодня рано встал, для первой смены...

— Айя-яй, — с наигранным сочувствием говорю ему я, — тяжелая у тебя жизнь. Столько дел... Так ты же сегодня пол десятого пришел?

— Да, — серьезно отвечает он мне, — а иначе я бы совсем не выспался...

— Вот ты хитрован, конечно, — резко обрываю его я. — Сперва ты меняешься сменами, потом приходишь пол десятого, хотя должен к восьми утра, а потом еще и жалуешься, что ты не выспался? И, кстати, мало вы вчера сделали Непедов. И я знаю почему. Сказать или сам признаешься?

Непедов непонимающе и даже слегка испуганно захлопал своими косыми глазами. Причем в разную сторону. Сперва тем, что смотрит в стену, а потом тем, что смотрит в мою сторону.

— А в чем признаваться то? — промямлил он.

— Да хотя бы в том, где вы были полтора часа? Непедов, вас камеры в цеху вообще не смущают что ли? Или вы думаете, что это муляжи? Вот смотри, что эти муляжи наснимали.

Я развернул свой монитор в его сторону. Он растерянно

установился на экран, тем глазом, что ранее смотрел в стену. Вторым же глазом он продолжал коситься куда-то в мою сторону.

— Ну, — говорю я ему в тот глаз, что направлен на меня. — Что скажешь? Есть в чем покаяться? И давай кайся быстрее, там твои товарищи Голубых и, как его, Джомбаев, уже пишут свои объяснительные мне из дома. Премии лишим только одного из вас. И я пока думаю, что тебя.

— Почему это только меня? — возмущается он и снова направляет один глаз в стену.

Я уже понял, что данная конфигурация глаз означает полную концентрацию его внимания на мне.

— Как почему? — продолжаю тралить его я. — Они работали себе более-менее нормально в своей смене. Потом ты меняешься и переходишь в их смену. Ну и начинаешь мешать им работать, так?

— Я? — удивляется он. — Да это они уговорили меня на пиццу в честь моего дня рождения в выходные...

Непедов резко останавливается, понимая, что болтнул лишнего.

— Так, так, так, — подхватываю я его оборвавшуюся речь, — а вот тут давай поподробнее. Вот тебе ручка и бумажка. Давай пиши нормальную объяснительную. Может тебя, как раз-таки, и не лишим премии. Если все хорошо напишешь.

Я протягиваю ему ручку с бумажкой, и он начинает писать новую объяснительную. Дверь резко открывается и на

пороге возникает Наталья Геннадьевна. Она, видя, что у меня сидит Непедов, останавливается в дверях и как бы шепотом, но так, что слышат все присутствующие, говорит:

— Все, Бабуинов, уволился по собственному.

— Хорошо, — так же громким шепотом отвечаю ей я, — может сегодня еще кто-нибудь уволится по собственному.

Я киваю головой в сторону пишущего Непедова, который на этих словах оторвался от изложения объяснительной и опять уставился одним глазом в стену, а вторым на меня.

— Если снова плохо напишет, — с улыбочкой продолжаю я. — Пиши Непедов, пиши, не отвлекайся.

Тот что-то пробормотал в ответ и снова склонился над листком бумаги. Наталья Геннадьевна довольно хрюкнула и вышла в коридор. Я продолжил наблюдать за пишущим Непедовым.

— Все, готово, — отрапортовал он мне примерно через пять минут.

Я взял листок бумаги из его рук и принялся читать.

— Ну и каракули Непедов, ты в школе хорошо учился? — спрашиваю его я, пытаюсь разобраться в написанном.

— Чего? — переспрашивает он.

— Я говорю ты в школе хорошо учился? Какие оценки у тебя были. Пятерки, четверки, тройки или может двойки?

— Тройки в основном и четверки, — спокойно ответил он.

— Ну оно и видно, — говорю ему я. — Так, значит ты

заказал пищу в честь своего дня рождения, который у тебя был в выходные?

— Ага, — поддакивает он.

— И потом вы ее ели полтора часа? — продолжаю я, откладывая его объяснительную в сторону.

— Ну да, — отвечает тот.

— Непедов, плохо написал, — говорю ему я. — Во-первых, не понятно почему ты вообще решил купить им пищу, что тебя сподвигло? Может ты сам такой человек хлебосольный, хотя по тебе не скажешь, а может они тебя заставили? — он снова заморгал вразнобой своими смотрящими в разные стороны глазами. — Во-вторых, ты не описал что это была за пицца, с каким вкусом, сколько штук и так далее. Не понятно почему вы так долго ее ели? Вкусная она была?

— Ага, — соглашается он, расплываясь в довольной улыбке.

— Ну вот это все и опиши в новой объяснительной.

Я протягиваю ему новый лист бумаги. Тот снова начинает писать. Примерно минут через пять он протягивает мне написанное.

— Так, посмотрим, — говорю ему я, начиная исследовать его иероглифы. — Ну уже лучше. То есть, ты рассказал Джомбаеву и Голубых, что у тебя в выходные был день рождения. А они предложили тебе скинуться на пищу в честь этого? Так кто пищу то купил? Ты или вы все втроем?

— Все вместе, мы скинулись, по акции там было, — отве-

тил он мне, смотря одним глазом в мою сторону.

— Вот ты жук, конечно, Непедов, — ухмыляясь говорю ему я. — Тут твой день рождения получается вообще не причем?

— Как это не причем? — немного обижается он. — Если бы у меня не было дня рождения я бы с ними не скидывался на пиццу.

— Ахаха, — смеюсь я, — так ты жук вдвойне. А чего не скидывался бы так, без повода? Ты пиццу не любишь или Джомбаева с Голубых?

— Нет, пиццу я люблю, — с легкой досадой в голосе отвечает он мне, — но вы же знаете, что зарплата у меня маленькая, больно много пиццы на нее не поешь.

— Ахаха, — продолжаю ржать я, — а ты еще и знатный ловкач, я смотрю. Думаешь стоит тебе зп повысить?

— Ну хотелось бы, конечно, — пробубнил он.

— Ну естественно, — передразнил его я, — такому-то сознательному и исполнительному сотруднику как уж не повысить то. Непедов, я напоминаю тебе, а то вдруг ты там забыл, мы тут сейчас обсуждаем лишать или не лишать тебя премии...

— Не лишать, — перебил меня он.

— Но пока, к сожалению, ты меня не убедил, — продолжаю я. — Пицц было три. Одна была сырная, вторая с курицей, а третья с пепперони, — читаю я из его объяснительной. — И какая тебе больше понравилась?

— Все были нормальные, — довольно отвечает он мне, — но мне особенно сырная понравилась.

— Пицца была очень вкусной и поэтому мы немного засиделись, — читаю я дальше. — А в это время линия стояла и вам на это было насрать, я правильно понимаю?

— Ну нет, — смутился он. — Мы же потом продолжили работать. Просто засиделись и заговорились немного...

— Кстати, а о чем говорили? — перебиваю его я. — Ты не написал. Минус тебе за это Непедов.

— Да так, обо всем подряд, — отвечает он мне.

— О бабах говорили? — с пошленькой улыбочкой интересуюсь я.

— О бабах? — со смущением переспросил он.

— Ага, о бабах, — продолжаю ухмыляться я, — тех, что с сиськами. У тебя, кстати, девушка есть?

— Нет, — еще больше смутившись отвечает мне он.

Теперь его глаза вообще не понятно куда смотрели. Один вроде бы смотрел в сторону окна, а второй то ли в потолок, то ли в верхнюю часть стены. И оба они снова хаотично моргали.

— А у тебя вообще девушка была когда-нибудь? — продолжаю наседавать на него я.

— Да, была конечно, — отвечает он мне, и по направлению его глаз я предполагаю, что смотрит он в этот момент на меня.

— Ну да, конечно, чего это я, — произношу я, оценивая

его потрясающий взгляд. — Ладно, а здесь тебе кто из баб больше нравится?

— Здесь? — снова смущается он.

— Здесь, я имею ввиду на работе, — ухмыляюсь я. — В цеху там у вас, например, или вообще на предприятии?

— Не знаю, никто особо не нравится, — окончательно смутился он.

— Чего прям вообще никто? — продолжаю я. — Может заместитель Переваликова, как ее там, Алексеева, тебе нравится? Она на тебя постоянно мне докладные записки пишет, жалуется, что ты плохо работаешь. Я думаю, ты ей нравишься.

— Ну не знаю, — пробурчал он, — она меня постоянно прессует, а вы говорите...

— Нравишься, нравишься, — перебиваю его я, — я же вижу, она прямо светится, когда говорит о тебе. А то, что прессует, так это она, скорее всего, так свою любовь к тебе выражает. Она просто доминатор. Тебе нравятся женщины доминаторы?

Я еле сдерживаю смех. Еще чуть-чуть и от смущения глаза Непедова выскочат из своих орбит и запрыгают по полу будто пластиковые шарики, так сильно он ими хлопает.

— Доминаторы? — нерешительно переспрашивает он.

— Ага, доминаторы, — максимально пошло говорю я. — Тебя я смотрю такие заводят, да?

— Ну не знаю, — сомневается он.

— А чего тебе в ней больше всего нравится? — продолжая давить я. — Может лицо? Или сиськи? Как тебе ее сиськи?

— Сиськи у нее хорошие, — наконец-то ломается он, — но мне больше ее попа нравится.

— Ну какая же у нее попа, Непедов, — говорю я, — у нее не попа, а огромная жопа. Согласен?

— Согласен, — произнес он довольным голосом.

— Хотел бы ее? — интересуюсь я хитро прищурившись.

— Ну, можно, наверное, — заскрипел он.

— Давай я с ней поговорю, — продолжаю я. — Скажу, что она тебе нравится?

— Ну нет, не надо, — почти умоляюще ответил он.

— Ты боишься ее что ли?

— Ну не то, чтобы боюсь... — начал было он.

— Эх Непедов, Непедов, — перебиваю его я, — без «Не» тебе было бы лучше.

— Чего? — непонимающе спросил он.

— Да ничего, — с легкой иронией отвечаю я, — все же так хорошо начиналось, а ты соскакиваешь. Ладно топай работать, а то заболтал меня тут со своей пиццей и жопой Алексеевой. В итоге опять ничего не делаешь. Все, иди отсюда.

Он встал, направился к двери и остановился у выхода:

— А что там с премией? Не лишите меня?

— Я ему тут о любви говорю, а он все о деньгах думает, — демонстративно удивляюсь я. — Иди работай Непедов.

Подумаю я. Посмотрим, что твои товарищи по пицце мне напишут, там и решу.

Он, немного расстроившись, вышел из моего кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.